

ВСЕОБЩЕ В ОСОБЕННОМ: УНИВЕРСАЛЬНАЯ АКСИОЛОГИЯ В КОНЦЕПЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

А. В. Петров

Омская академия МВД России, г. Омск (Россия)

Введение. Статья посвящена анализу концепции традиционных российских духовно-нравственных ценностей, чей перечень декларирован государством с точки зрения выделения в них тех ценностей, которые можно отнести к универсальным. Такая работа представляется актуальной в силу необходимости артикулировать инклюзивность некоторых ценностей, включенных в список традиционных. Это позволит увидеть, что в российских традиционных ценностях, наряду с ценностями специфическими, релевантными идентичности, истории и культуре России, присутствуют и ценности общечеловеческие, универсальные. Их совокупность составляет сбалансированную аксиологическую модель, соответствующую цивилизационной специфике России.

Методы. Исследование опирается на феноменологический подход, демонстрируя связь аксиологических установок с культурно-историческим контекстом. Метод сравнительного философского анализа использовался для интерпретации взглядов на универсальные ценности ряда зарубежных исследователей.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В статье проводится идея о том, что универсальность ценностей фундируется не либеральными идеями светского гуманизма, порвавшего со своими религиозными корнями, а идеями христианского гуманизма, значительно повлиявшего на мировую культуру. Ценности христианской культуры в оптике неолиберального глобализма сами выглядят весьма традиционно, поскольку репрезентуют конкретную культурно-историческую традицию, противопоставляющую себя целям и ценностям глобализации в неолиберальной версии. Аксиологии традиционализма соответствует своя телеология, по свойствам консервативная и в значительной мере секулярная, в фокусе которой находится цель суверенности.

Заключение. Ценности, о которых в данной работе говорится как об универсальных, не следует ассоциировать исключительно с европейской культурой; соответственно, разворачивающийся сейчас мировой процесс борьбы с гегемонией Запада и реализуемой в его интересах моделью глобализации не должен провоцировать отказ от них как от скомпрометированных своим культурно-историческим происхождением.

Ключевые слова: традиционные российские духовно-нравственные ценности, традиционные ценности, универсальные ценности, ценности, аксиология, телеология, суверенность.

Введение. «Природа не терпит пустоты» – со времён Аристотеля эта фраза превратилась в очевидность. Русская народная мудрость также высказалась по этому поводу определённым образом, утверждая, что свято место пусто не бывает. Во всякое время, когда на месте чего-либо дотоле бывшего образовывалась пустота, она вскорости заполнялась тем, что прибыло заменить отсутствующее. Это справедливо для всех феноменов хоть эмпирического мира, хоть мира идей. В ис-

тории России никогда не было периода совершенного отсутствия каких-либо идей, влиявших на общественное сознание. Иногда эти идеи противоречили тем, что имели хождение ранее, иногда явно их отрицали, но никогда не отсутствовали совершенно.

Прошедшее столетие оказалось особенно богато на идеологемы и их политические воплощения, явив современникам и внимательным потомкам весьма пёструю картину, тем более богатую деталями, чем более явные политические проекции имели эти идеи – идеи, становившиеся частью идеологии и политических платформ. В постсоветское время произошёл видимый откат от исторически сложившейся практики явного окормления политики идеологией. Впрочем, он был именно что видимый, поскольку идеологическая апологетика коммунизма уступила место апологетике капитализма и консьюмеризма.

Изменилась и вербализация жизненных целей: лозунг, призывающий пролетариев всех стран соединяться, незаметно морфировал в призыв обогащаться. И хотя он не был гласно поднят на щит именно в такой форме, тем не менее был употреблён как руководство к действию оборотистой публикой. Так на месте пусть и очень спорной практически, но не лишённой созидательного потенциала идеи, во времена своей славы составлявшей уверенную конкуренцию глобализации в капиталистическом изводе, образовался вакуум, ослабляющий общественный организм, уподобившийся кораблю без лоцмана и компаса. Попытки заполнить этот вакуум начались почти сразу же после его образования. Одна из них делала акцент на традиционной культуре и почвеннических взглядах, переживавших возрождение на волне интереса к дореволюционной России и её самобытному историческому пути.

Русский консерватизм, имевший непростую судьбу в Российской империи и судьбу трагическую при советской власти, вышел из полуподполья и вернулся из эмиграции, однако не смог занять позицию мировоззрения, определяющего ход развития постсоветской России. Причем консервативные взгляды занимали умы отнюдь не одной лишь русской общественности, нашлось немало консерваторов и традиционалистов в среде других народов, населявших СССР, так и не сделавшихся новой исторической общностью. Спектр мнений по поводу того, что такое традиция, был весьма широк – от откровенно русофобского сепаратизма национальных окраин России до реплик черносотенства.

Институционализация конструктивного патриотического дискурса, способного выйти за пределы кулуаров академической среды, заняла длительное время. С одной стороны, это объясняется тем, что либеральное западничество, под знаменами которого разрушался СССР, на правах победителя приложило серьёзные усилия для диффамации и маргинализации консервативного патриотизма; с другой стороны, разворот на Запад долгое время приносил плоды в виде экономиче-

ского роста, облегчавшего до известной степени общественный посттравматический синдром. Медленно совершающееся осознание исторического значения СССР и последствий его распада, а также истинных мотивов западной благожелательности по отношению к слабой России привело к тому, что патриотический дискурс стал постепенно очищаться и от радикализма, накопленного им за весь период вынужденного маргинального существования, и от западничества, исполненного прекраснотушных мечтаний войти в семью европейских народов на правах полноправного члена, ничем не заплатив за это.

Однако говорить о том, что институционализация, о которой идёт речь, завершилась к настоящему времени, нет достаточных оснований, если принимать за признак завершившегося институционализационного оформления общественно важных идей появление соответствующей политической партии; скорее к настоящему времени она вошла в фазу набора прочности за счёт расширения социальной базы и только-только стала преодолевать рубеж, отделяющий её ценности и взгляды от кооптации в государственную политику. Важной вехой на этом пути явился *Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»*.

Методы исследования. Руководствуясь феноменологическим подходом, автор предпринимает попытку показать важность аксиологии для нормального существования и самобытного развития любого общественного организма, а также демонстрирует связь проблемы ценности с проблемой цели. В наши дни в это смысловое поле явным образом вторгается дискурс культурной идентичности и суверенности, поэтому феноменологический подход представляется наиболее релевантным этой проблематике, столь тесно связанной с культурным контекстом. Отыскивать универсальное в особенном было бы непродуктивно без обращения к опыту иностранной науки, занимающейся поиском ценностей подобного рода самих по себе (как Ш. Шварц), так и в культурном контексте конкретных стран (Дж. и Л. Спиндлеры и др.), поэтому для интерпретации взглядов на универсальные ценности ряда зарубежных исследователей был использован метод сравнительного философского анализа.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. *Четырнадцать* ценностей, отнесенных государственной волей к числу традиционных, можно рассматривать как аксиологию суверенного взгляда на вещи, предлагаемого государством обществу в качестве альтернативы всем имеющимся, прежде всего идеологии глобального капитализма в западном изводе. Немаловажно, что эта альтернатива не предполагает отрицание того, что исторически сближает Россию с Европой, в некоторых местах опираясь на великие без преувеличе-

ния достижения европейской культуры как части христианского мира, к которому принадлежит Россия, несмотря на свой евразийский облик. К таким общим местам, в частности, относятся: *жизнь, достоинство, права и свободы человека, гражданственность, гуманизм, справедливость*. Эти ценности вполне можно назвать универсальными, поскольку они характерны для любой культуры, исторически принадлежащей к христианскому миру или испытывавшей его серьёзное влияние.

В широком смысле это влияние испытали все культуры, вступавшие в длительный контакт с христианским миром, поэтому и ценности, перечисленные выше, могут быть названы общечеловеческими безотносительно к религиозному исповеданию. Это очевидно не только в случае с жизнью и достоинством человека как существа, в оптике христианской антропологии носящего в себе образ Божий, обладающего бессмертием и свободой. Идея гражданственности, справедливости и гуманизма тоже уходит корнями в христианскую культуру. Конечно, не следует ее идеализировать и видеть в христианских странах место, где добродетель торжествовала и никогда не попиралась несправедливостью. Тем не менее в этом культурном пространстве и в нравах, соответствующих своему времени, особенно времени выхода на историческую сцену разных народов Европы и Ближнего Востока, просвещённых светом Евангелия, христианство делало свою малозаметную, но важную работу взращивания *милосердия, ответственности, человеколюбия и чувства справедливости* в малорасположенных к этому языческих сердцах.

Постепенно понимание большей *ценности гражданина*, чем подданного права, а не бесправия, *закона*, а не произвола, проникло в ткань общественных отношений и облагородило её, смягчив нравы, хотя и не упразднив все социальные пороки. По этому пути пошли все народы, более или менее вовлечённые в мировую историю, поэтому и ценности эти впервые найдены Античностью (если говорить о гражданстве и справедливости), или сугубо христианские (если вести речь о личности), теперь стали универсальными. Поэтому не стоит удивляться тому, что в упомянутых Основах государственной политики сделан акцент на теме православия как одного из оснований российской идентичности. Заметим, что названные выше ценности сами и не возникли спонтанно, и не существуют автономно. Они находятся в связи, причём не только в очевидной связи с отечественной культурой, но и с тем, на что ориентируется Россия в текущий исторический момент. О том, в чём конкретно состоят эти ориентиры, можно узнать из разнообразных доктринальных документов, описывающих разные области политики и международных отношений. В более общем виде они формируют особое целеполагание, в фокусе которого находится идея суверенности России как государства, воплощающего в себе особую цивилизацию.

Оставим сейчас в стороне вопрос о том, в чём эта особенность цивилизации, поскольку его важность и сложность не позволяют делать о нём поверхностные суждения. Обратимся к другому – к тому, что за определённым набором конкретных управленческих задач, за обобщающими их политическими целями, за ценностями, их вдохновляющими, стоит определённая телеология, но не в эсхатологическом, а проективном смысле. Эта телеология вполне секулярна, отдаёт дань уважения достижениям светской культуры и вестернизации, построена на рациональной рефлексии исторического опыта. Она плюралистична, не демонстрирует национальной или религиозной гордыни и уважает иные взгляды, не отказывающие ей самой в праве на существование. Также она в известной степени релятивна, не абсолютизирует свои культурно-исторические основания и признаёт свою детерминированность ими. Кроме того, она не чужда утилитаризма, не отказываясь от дальнего в пользу ближнего и признавая значимость первого (при этом в ней сохраняется то идеалистическое обаяние, без которого любая работа, отличающаяся от духовного делания, рискует превратиться в стяжательство). Наконец, она вариативна настолько, насколько широка свобода выбора пути к достижению целей, её составляющих.

Все эти черты слагаются в общий портрет телеологии секулярной и консервативной, сфокусированной на России в двух её аспектах: как идее, то есть на цивилизационных константах и культуре, и как живом организме, то есть на людях, населяющих её, трудящихся ради непосредственно своей пользы и опосредованно для её блага и долженствующих по мере движения в этом направлении стать из населения народом и осознать ценности, сегодня озвученные государством как самоочевидную гражданскую конвенцию.

Любопытно, что даже зарубежный, едва ли нейтральный взгляд, изучающий российский аксиологический ландшафт, ещё в 2014 г. заметил, что ценности, лежащие в основе *Putin's Strategic Conservatism*, представляют собой консерватизм, «не чуждый многим вполне уважаемым, патристически настроенным сторонникам традиционализма на Западе» [4, р. 10]. Впрочем, М. Кайлан видит в этом отнюдь не достоинство или основание для политического сближения России и Запада; напротив, он видит в этом проблему для той части общества, которая имеет отличную от христианского традиционализма культурную идентичность, полагая, что «рехристианизация России приводит к маргинализации огромного населения нехристианских этнических территорий от Кавказа до Татарстана и Сибири» [4, р. 16].

В 2018 г. И. дю Кенуа и Д. Дубровский, размышляя в том же духе, полагали, что «современная Россия стала свидетелем стремительного роста ультранационалистических или религиозно-фундаменталистских организаций самообороны, пре-

тендующих на защиту «традиционных ценностей» от врагов и стремящихся восстановить «традиционный порядок» в стране» [6, p. 113].

Время показало несостоятельность этих прогнозов. Интересно отметить, что авторы, декларируя заботу о гражданском обществе, отказывают «общественным активистам, защищающим традиционные ценности», в том, чтобы считаться гражданами, несмотря на отсутствие у них связи с «режимом». В оптике этих авторов любая апелляция даже к самому политически нейтральному, вроде обращения к вере, семье, традиции, стабильности, сделанная политиками, которых Запад назначил автократами и диктаторами, автоматически лишает эти ценности авторитета. При этом сам Запад, если вспоминает о ценностях «сохранения цельной цивилизации, которая начинается с семьи, верности земле и большому этносу» [4, p. 17], безо всякого смущения демонстрирует уверенность в своей полной моральной правоте. Комментарий оставим *bon mot* Д. Е. Галковского: «Это другое, понимать надо!».

Теперь взглянем на презентацию универсального аксиологического компонента в отечественной концепции традиционных ценностей *sine ira et studio*. Предположение о его наличии легко подкрепляется сравнением ценностей, отнесённых выше к универсальным и стоящих в ряду российских традиционных духовно-нравственных ценностей, с перечнем ценностей, включённых в концепцию основных человеческих ценностей в версии Ш. Шварца и описываемых её автором как универсальные [7, 8]. Кроме того, будет небезынтересно продолжить этот анализ сравнением российских традиционных ценностей в их универсальной части с системой ценностей конкретной цивилизации, произошедшей от общего с нами христианского корня, но исторически оказавшейся в антагонистической по отношению к России позиции – с североамериканской цивилизацией и её ценностями так, как их определили Дж. и Л. Спиндлеры [9].

В деталях это выглядит так.

Теоретическая модель Шварца выделяет десять ценностей, дифференцируя их по четырём группам:

- 1) *открытость к изменениям* (openness to change);
- 2) *самосовершенствование* (self-enhancement);
- 3) *сохранение* (conservation);
- 4) *самопреодоление* (self-transcendence).

С универсальными ценностями, отражёнными в российской концепции традиционных ценностей, созвучны ценности первой и второй групп. С. Доран и Р. Литтрелл сравнивают модель Шварца и модель Спиндлеров; мы же сравним их результаты с отечественной аксиологической моделью в части её универсального компонента. Так, некоторые базовые американские ценности (по Спиндлерам) созвучны универсальным ценностям (по Шварцу), и они же, в свою очередь, соответствуют универсальным ценностям в ряду традиционных российских.

Извлечения из индивидуальных ценностей по Шварцу

Открытость к изменениям (openness to change):

1. *Самостоятельность* (независимые мысли и действия: выбирать, создавать, исследовать);
2. *Стимуляция* (переживание, новизна и вызов к жизни).

Сохранение (conservation):

1. *Безопасность* (защищённость, гармония и стабильность социальных отношений, общества и личности);
2. *Согласие* [иначе – *конформность*] (сдерживание действий, склонностей и импульсов, которые могут навредить другим и нарушить социальные ожидания или нормы);
3. *Традиция* (уважение, принятие и приверженность обычаям и идеям, которые дают традиционная культура или религия [3, р. 266]).

Отметим, что между согласием/конформностью (conformity) и традицией (tradition) существует известная разница с точки зрения того, каков источник нормы, которому подчиняется личность. Конформизм влечёт за собой подчинение людям, с которыми человек часто взаимодействует, – родителям, учителям или начальству. Традиция влечёт за собой подчинение более высоким абстракциям – религиозным и культурным ценностям. Как следствие, ценность согласия/конформности предполагает реакции на изменчивые обстоятельства повседневности и направляет их. На этом фоне традиционные ценности представляются аксиологической константой, оформившейся в прошлом.

Извлечения из базовых американских ценностей по Спиндлерам

1. *Свобода слова* (и другие формы личной свободы);
2. *Права личности* (быть личностью и действовать от своего имени);
3. *Независимость*: тесно связана с ценностью, придаваемой личности и её правам. Индивид имеет право быть независимым, в том числе от ограничений, наложенных вышестоящей властью.

Извлечения из Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей

Жизнь, Достоинство, Права и свободы человека, Гражданственность, Гуманизм, Справедливость.

Параллели между сравниваемыми моделями можно проводить и далее, если изменить критерий сравнения и рассматривать их во всей полноте. Тогда, к примеру, можно будет увидеть общность американских ценностей (*ценность частного бизнеса, тесно связанная с твёрдой верой в права личности, соревновательность, вера в эффективность технологий, социальная мобильность, достижение успеха упорным трудом*) и индивидуальных ценностей по Шварцу (*личный успех*). Однако поставить в один ряд с ними российскую ценность *созидательного труда*

едва ли возможно без специальных оговорок, поскольку она стоит в одном ряду с ценностями, хотя и трудовыми (*приоритет духовного над материальным, справедливость, коллективизм*), но поданными не на индивидуалистически-капиталистический лад, а имеющими отчётливую социальную ориентацию.

Доран и Литтрелл сообщают, что базовые американские ценности свойственны той этнической группе, которой в США всегда принадлежала власть и по отношению к которой большинство американцев измеряли свой жизненный успех на протяжении более 200 лет. Эта группа – белые мужчины-европейцы, не относящиеся к этническим меньшинствам, принадлежащие к верхнему среднему классу протестантского исповедания [9, р. 34-35]. Иными словами, это именно та группа и именно те ценности, которые обеспечили Америке её положение гегемона; они имеют отчётливый правый характер, который мало зависит от особенностей политического режима и от сиюминутной политической конъюнктуры.

Несмотря на то что на протяжении ближайших полутора веков понимание правого и левого в политике менялось, современное положение дел всё чаще побуждает видеть в правых идеях не только разумную, но и предпочтительную альтернативу левым взглядам. Последние теперь отстаивают не только исторически свойственные этой платформе идеи эгалитарной справедливости, соответствующей организации экономики и общей роли государства в управлении общественной жизнью; в повестку движения вошли и утвердились феминизм, борьба за равноправие меньшинств, мультикультурализм, энвайронментализм. Вокруг этих идей сломано немало копий, но сейчас всё очевиднее становится их неоднозначность. То, что ещё недавно воспринималось как естественное следствие успехов проекта глобализации в западном варианте и казалось отталкивающим для тех, кто не вписался в этот проект, ныне находит всё больше критически мыслящих противников внутри стран-локомотивов этой версии глобализации.

На фоне дисгармонии, которую вносят леворадикальные взгляды, правые идеи становятся всё привлекательнее как более надёжная опора посреди стихии мирового кризиса. В правых взглядах открывается глубина витальной телеологии, нацеленной на жизнь и её репродукцию в широком смысле – и непосредственно органическую, и культурную; репродукцию, для успеха которой важны безопасность, стабильность, твёрдая почва традиции под ногами. Конечно, витальной телеологии релевантны не одни лишь правые идеи и соответствующие им ценности. Очевидно, что экологическая повестка не менее важна для витальных целей, но она оказалась приватизирована левым движением, презентующим её как предмет своей особой заботы; представляется, что со временем её ждёт правая реприватизация.

Ю. Пьюрко, Ш. Шварц и Э. Давидов указывают, что ценности как правого, так и левого политического спектра присутствуют в аксиологическом простран-

ве как «либеральных», так и «традиционных», а также «посткоммунистических» стран Европы. Правая ориентация в либеральных странах выражает ценности традиции, власти, конформизма и безопасности; левая ориентация выражает универсализм и в меньшей степени – ценности благожелательности. В традиционных странах правая ориентация выражает консервативные ценности (традиции, согласие и безопасность); левая ориентация выражает ценности самоопределения и универсализма [5, p. 555].

В либеральных странах ценностные корреляты правой ориентации указывают на то, что она направлена на предотвращение или преодоление тревоги путём избегания перемен, сохранения статус-кво и осуществления контроля. Правая ориентация имеет сходные значения в традиционных странах, но без акцента на активное осуществление контроля, связанного с ценностями власти. Значение ценностных коррелятов левой ориентации указывает на то, что и в либеральных, и в традиционных странах они сфокусированы на содействии общему благосостоянию и относительному равенству. При этом в традиционных странах левые ориентации также подчёркивают индивидуальную автономию и открытость переменам как новацию, что граждане либеральных стран могут воспринимать как само собой разумеющееся [5, p. 558].

Ценности правого спектра ставят личность в контекст общества, что, по мнению С. Чжан, С. Лян и Х. Сун, приносит выгоду не только обществу, но и частному интересу [11, p. 655]. Казалось бы, в такой системе ценностей людей поощряют ставить интересы группы выше своих собственных, но целью этого является достижение справедливости и поддержание социального порядка, иерархии, безопасности, то есть тех невещественных благ, которые не приобретаются за деньги, а обретаются опосредованно.

Правые ценности и коллективизм не только не мешают, но при грамотной реализации способствуют тому, что считается ценностным ядром американской идентичности, казалось бы, индивидуалистической до мозга костей. Разумеется, американская коллективная идентичность, построенная на христианском культурном фундаменте, и китайская коллективная идентичность, построенная на конфуцианском фундаменте с его акцентом на не тождественные друг другу, но общие места, у них несомненны; как несомненно и то, что нарочитое педалирование темы коллективизма способно умалить ценность человеческого достоинства, которое всегда конкретно, если признаётся в качестве таковой. Д. Уолмсли называет признание этой ценности «проверкой культурной зрелости» [10, p. 50].

Действительно, без этого будут невозможны не только гуманистические императивы как абстракция, но и вполне конкретное индивидуальное поведение, соответствующее им – то, что строится на личной морали, ответственности, требует экзистенциального выбора. Иными словами, на ценности человеческого достоин-

ства основываются все прочие социальные ценности, являющиеся благом для всех, и умалять её в угоду коллективизму – означает платить слишком высокую цену.

Поэтому не имеет значения, где конструируют собственную, соответствующую своей мерке аксиологию – в России, Китае, США или Южной Африке. Если она предполагает социальные ценности и претендует на автономность, то с необходимостью будет содержать универсальные ценности, первая из которых – человек и его достоинство. К примеру, запрос на такую аксиологию для Африки в целом выражает О. Аборисаде, когда говорит о том, что «единственным решением социальной проблемы Африки является создание правительством необходимых условий для достижения таких общественных благ, как мир, благополучие и возможность для человека добиваться своего собственного счастья» [1, р. 615]. Путь же, по которому следует идти к этим достойным целям, может и должен быть соразмерным ценностям африканской автохтонной культуры, поскольку «либерализм и коммунитаризм, предложенные учёными в качестве решения проблемы краха общих ценностей, не могут рассматриваться как основа социальной безопасности и человеческого счастья в Африке» [1, р. 627].

В том же духе пишет Д. Бланшетт в докладе Центра стратегических и международных исследований, анализируя китайскую стратегию оспаривания неолиберальных ценностей Запада в рамках реализации специфически китайской модели построения идеологической безопасности, подкреплённой особой аксиологией. В выступлениях Председателя КНР Си Цзиньпина и работах Центральной партийной школы КПК (в частности, в работе Т. Айцзюня «Идеологическая безопасность в рамках общей национальной безопасности», опубликованной в 2019 г., на которую активно ссылается Д. Бланшетт) национальная безопасность прямо связывается с политически-идеологической конструкцией, поддерживающей различного рода экспансию.

Необходимость в конструкции, содержащей определённый набор ценностей, релевантный политическим целям, диктуется тем, что иначе противодействовать атакам Запада, обеспеченным моральным авторитетом неолиберальных ценностей (демократия, верховенство закона), невозможно. Заметим, что сами по себе ценности, названные в докладе неолиберальными, не заслуживают осуждения и достойны симпатий сами по себе, которой они легко лишаются, коль скоро используются в политически ангажированной риторике блокового мышления, способного к самым тенденциозным оценкам конкретной (незападной) демократии и её законов. Следуя далее за китайской мыслью, мы увидим, что идеологическая безопасность предстаёт в качестве важного компонента национальной безопасности, формирующейся в трёх системах.

Первая система – *система «познания-интерпретации»* должна опираться на китайский марксизм, сталкивающийся с проблемой «дискурсивной гегемонии За-

пада», её необходимо преодолеть, чтобы китайский путь модернизации, по которому движется страна, был понятен и внутри страны, и за её пределами. Китайский путь часто интерпретируется через западную дискурсивную модель, в рамках которой характеризуется такими терминами, как «авторитаризм», «капитализм с китайской спецификой» и «авторитарный социализм». Дискурс «универсальных ценностей» используется для попыток определить направление реформ в Китае, уровень его открытости, а западные нарративы о Китае, такие как «сильные страны неизбежно стремятся к гегемонии», «теория китайской угрозы», «теория безответственности Китая», используются для преднамеренного искажения китайского пути и критики китайской модели развития.

Для преодоления этой проблемы предлагается, во-первых, «противостоять распространению неолиберальных рассуждений, активно строить дискурсивную систему вокруг социалистической политэкономии с китайской спецификой... Во-вторых, необходимо противостоять распространению западного либерально-демократического дискурса, особенно западного дискурса о легитимности; активно строить дискурсивную систему вокруг социалистической демократии с китайской спецификой; создать дискурс «демократии в китайском стиле» (заметим, что похожую модель предполагал отечественный нарратив середины нулевых годов о российской суверенной демократии – А. П.). В-третьих, что касается внешней стратегии Китая, то для ответа на преувеличенную «теорию китайской угрозы» необходимо активно строить ориентированную во вне дискурсивную систему и объяснять присущий китайскому пути пацифизм» [2, р. 9–11].

Вторая система – *система «ценностей-убеждений»* связывает с национальной безопасностью понятие идентичности. Эта связь имеет непосредственный характер, поскольку кризис национальной идентичности неизбежно приводит к рискам для национальной безопасности. Проблема идентичности имеет прямое отношение к нашей теме, так как её решение предполагает определение отношений универсальных ценностей и ценностей, обусловленных историческим опытом и культурой – назовём их суверенными в том смысле, что содержащая их аксиологическая модель призвана обосновать конкретную культурно-историческую самобытность и с необходимостью должна содержать ценностные элементы, фундаментирующие её. Разумеется, и западная аксиологическая модель, сейчас чаще всего отождествляемая с неолиберализмом и крайне редко ассоциируемая с христианством, действительно имеющим всемирное значение, включает в себя и суверенные, и универсальные ценности, однако вся она целиком в нынешнем виде преподносится человечеству как универсальная.

Универсализация частных ценностей современной западной культуры и их агрессивное навязывание приводят к тому, что возникает риск обесценивания не

только частного, но и подлинно универсального в них – идеи уникальности личности, прав и свобод человека, демократии. Этому немало способствует то, что в современной системе международных отношений, всё ещё поддерживающей западную гегемонию, «страна, не принявшая универсальные (западные) ценности, будет изолирована от человеческого сообщества» [2, р. 11]. Очевидно, что «универсальные ценности» в современной западной интерпретации оказываются сервильными по отношению к экономическим интересам и политическим целям Запада.

Ситуацию сервильности ценностей нельзя назвать здоровой, ведь у ценностей имеется важная структурообразующая функция, и её отчётливо видят в Китае: Фундаментальная цель критики «универсальных ценностей» – обрести «право строить системы» [2, р. 11]; поэтому борьба за суверенность начинается с борьбы за «право строить системы», в том числе системы аксиологические. Этот путь предполагает деконструкцию универсальных ценностей как ценностей Запада и их переосмысление в синергии с ценностями, подкрепляющими суверенность и цивилизационную особость. Заметим, что России, если она пойдёт по нему достаточно целеустремлённо, произвести эту рецепцию легче в силу общих с Западом христианских корней и взаимосвязи исторических судеб. При этом такая модель, если она не постмодернистский симулякр и не постироническая ухмылка, а всерьёз имеет отношение к жизни сложившейся большой и самобытной культуры, не может не включать в себя ценностные универсалии – в противном случае она не сможет возвыситься над местечковой узостью или избирательной предвзятостью.

Всё это может позволить себе локальная культура, которой в силу близкого горизонта извинителен даже естественный шовинизм, но для страны-цивилизации это недопустимо мелко. В основании ценностного «общего знаменателя», объединяющего общество, сознающее свою особость, должны лежать конкретные действия:

- укрепление легитимности власти за счёт апелляции к моральной миссии государства;
- построение национальной общественно-политической системы, интегрированной с национальной идентичностью и национальной аксиологией;
- актуализация социальных ценностей в противовес ценностям, способствующим дифференциации.

Такой путь релевантен третьей системе, обнаруженной в китайских аксиолого-политических конструкциях, о которых говорит Д. Бланшетт, – *системе «решение-действие»*, включающей в себя не только идеологическую работу, но и систему оценки её эффективности и ответственности за её результаты, а кроме того, и систему реагирования на угрозы, оценивающую различные показатели социометрического характера, анализ медиапространства и т. д. [2, р. 12-13].

В совокупности три рассмотренные системы способны дать ответ на кризис идентичности, выражающийся в неспособности идентифицировать себя с моделью развития страны и её институтами или неспособность идентифицировать себя с доминирующими ценностями. Цитируемый выше доклад увидел свет в декабре 2020 г., то есть в то время, когда современный глобальный кризис ещё только разгорался, но был малозаметен для широкой публики. Положение дел в наши дни свидетельствует о том, что по пути, над которым размышляли в Китае и который обсуждали в США, сейчас движется Россия в попытке оспорить западный гегемонизм.

Заключение. Формирующаяся сейчас аксиология не носит политического характера, апеллирует преимущественно к мировоззрению, «эмоциональному» и «гражданскому» интеллекту, а не к «политическому» интеллекту. Для российского государства и общества – это особенно важно, поскольку наш исторический опыт свидетельствует о том, что ценности не должны формулироваться из политически ангажированной позиции. В противном случае они рискуют сделаться химерой, как это произошло с коммунистическими ценностями в СССР, падение которых не смогли предотвратить ни «Моральный кодекс строителя коммунизма», ни партийная дисциплина, ни вся система индоктринации.

Подлинные ценности прорастают из культурной почвы, из истории, из питаемого ими чувства идентичности и национального достоинства. Конституция Российской Федерации не оставляет места никакой идеологии, способной сделаться политической ортодоксией, однако её «местоблюстителем» был избран патриотизм – и это кажется более надёжным и социально приемлемым, даже безопасным, поскольку политизацию ценностного пространства Россия уже видела, однако это не помогло избежать социальной катастрофы. При этом российскому социуму ещё предстоит выработать взгляд на вещи через призму национальных интересов страны – прежде всего это требуется от элиты, долженствующей воспитать в себе национальный взгляд вместо глобалистского, если она желает оставаться национальной и разделить свою жизнь с жизнью Отечества.

Маркером соответствия могут быть только дела, без которых, как известно из Евангелия, мертва и вера. Вдохновлённые именно патриотизмом, служением Отечеству и ответственностью за его судьбу, исторической памятью и преемственностью поколений, созидательным трудом, милосердием, взаимопомощью и взаимопочтением – то есть теми ценностями, которые связывают человека с его корнями, традицией, служат твёрдой опорой в мировой сумятице.

Суверенизация – политическая, экономическая, аксиологическая или любая иная соответствует антиглобалистской тенденции, однако борьба против доминирующей сейчас модели глобализации, то есть против западного гегемонизма, не

требует полного и последовательного отказа от всех без исключения ценностных доминант европейской культуры как культуры христианской в пору своего плодотворения. Многие из них приобрели универсальное, общечеловеческое значение; «отменять» их означало бы не только выпisać себя из мировой истории и культуры, но и уподобиться тем, кто ради сиюминутных популистских выгод в наши дни пытается отменить русскую культуру. Проще говоря, в борьбе за собственное «право строить системы» важно не выплеснуть вместе с грязной водой неолиберализма идеи гуманизма, свободы, справедливости – словом, все те достижения тысячелетней христианской цивилизации, чьи плоды позволяют понимать, что делают принадлежность к роду человеческому признаком и высочайшего достоинства, и высочайшей ответственности.

Список литературы

1. Aborisade O. Liberal and Communitarian Discourse: An African Perspective // *Frontiers of Philosophy in China*. 2015. Vol. 1.10, no. 4. P. 615–628. DOI: 10.3 868/s030t004-0 1 5-0049-4
2. Blanchette J. Ideological Security as National Security // *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*, 2020. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep27056> (дата обращения: 30.08.2023).
3. Doran C. J., Littrell R. F. Measuring Mainstream US Cultural Values // *Journal of Business Ethics*. 2012. No. 117 (2). P. 261–280. DOI: 10.1007/s10551-012-1515-z
4. Kaylan M. Kremlin values: Putin's strategic conservatism // *World Affairs*. 2014. Vol. 177, no. 1. P. 9–17.
5. Piurko Y., Schwartz S. H., Davidov E. Basic personal values and the meaning of left-right political orientations in 20 countries // *Political Psychology*. 2011. No. 32 (4). P. 537–561. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2011.00828.x
6. Quenoy du I., Dubrovskiy D. Violence and the defense of “Traditional Values” in the Russian Federation // *Religion and violence in Russia: context, manifestations, and policy*. 1 June 2018. P. 93–116.
7. Schwartz S. H. A theory of cultural value orientations: Explication and applications // *Comparative Sociology*. 2006. No. 5. P. 137–182. DOI: 10.1163/156913306778667357
8. Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries / in M. Zanna (Ed.) // *Advances in experimental social psychology*. 1992. Vol. 25. P. 1–65. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6
9. Spindler G., Spindler L. *The American cultural dialogue and its transmission*. Florence, KY: Routledge/Taylor & Francis, 1990. 198 p.
10. Walmsley G. Is there a place for traditional values and virtues in society today? // *Frontiers of Philosophy in China*. 2013. Vol. 8, no. 1. P. 31–52. DOI: 10.3 868/s030-002-013-0004-3
11. Zhang X., Liang X., Sun H. Individualism-collectivism, private benefits of control and earnings management: A Cross-Culture Comparison // *Journal of Business Ethics*. 2013. No. 114 (4). P. 655–664. DOI: 10.1007/s10551-013-1711-5

Авторская справка

ПЕТРОВ Александр Викторович – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и политологии, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Омск, Россия. E-mail: petrov.av.phd@gmail.com

THE UNIVERSAL IN THE SPECIAL: UNIVERSAL AXIOLOGY IN THE CONCEPT OF TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

A. V. Petrov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk (Russia)

Introduction. The article is devoted to the analysis of the concept of traditional Russian spiritual and moral values, whose list is declared by the state authorities. There are values in this list that are universal. This is relevant because it is necessary to articulate the inclusiveness of some values that are in the list of traditional ones. Russian traditional values contain both universal values and specific values relevant to the identity, history and culture of Russia. As a whole, they should form a balanced axiological model corresponding to the civilizational specifics of Russia.

Methods. The article is based on a phenomenological approach, demonstrating the connection of axiological attitudes with the cultural and historical context. The method of comparative philosophical analysis was used to interpret the views on the universal values of foreign researchers.

Results. The article focuses on the fact that the universality of values is not justified by the liberal ideas of secular humanism, which has lost touch with its religious roots. The content of universal values was influenced by the ideas of Christian humanism, which significantly influenced world culture. Neoiberal globalism looks at the values of Christian culture as traditional. These values represent a specific cultural and historical tradition, which opposes itself to the goals and values of Neoliberal globalization. Teleology corresponds to the axiology of traditionalism, it is conservative and largely secular. At the center of teleology is sovereignty as a goal.

Conclusions. The values referred to in this work as universal should not be associated exclusively with European culture; accordingly, the unfolding global process of combating the hegemony of the West and the globalization model implemented in its interests should not provoke rejection of them as compromised by their origin.

Keywords: traditional Russian spiritual and moral values, traditional values, universal values, values, axiology, teleology, sovereignty.

References

1. Aborisade O. Liberal and communitarian discourse: an African perspective. *Frontiers of philosophy in China*. 2015, vol. 1.10, no. 4, pp. 615–628. DOI: 10.3868/s030t004-015-0049-4
2. Blanchette J. Ideological security as national security. Center for strategic and international studies (CSIS), 2020. Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep27056> (accessed 30.08.2023).
3. Doran C. J., Littrell R. F. Measuring mainstream US cultural values. *Journal of Business Ethics*. 2012, no. 117 (2), pp. 261–280. DOI: 10.1007/s10551-012-1515-z
4. Kaylan M. Kremlin values: Putin's strategic conservatism. *World Affairs*. 2014, vol. 177, no 1, pp. 9–17.
5. Piurko Y., Schwartz S. H., Davidov E. Basic personal values and the meaning of left-right political orientations in 20 countries. *Political Psychology*. 2011, no. 32 (4), pp. 537–561. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2011.00828.x
6. Quenoy du I., Dubrovskiy D. Violence and the defense of “Traditional Values” in the Russian Federa-

tion. Religion and violence in Russia: context, manifestations and policy. 1 June 2018, pp. 93–116.

7. Schwartz S. H. A theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*. 2006, no. 5, pp. 137–182. DOI: 10.1163/156913306778667357

8. Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. In M. Zanna (Ed.). *Advances in experimental social psychology*. 1992, vol. 25, pp. 1–65. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6

9. Spindler G., Spindler L. *The American cultural dialogue and its transmission*. Florence, KY: Routledge/Taylor & Francis, 1990, 198 p.

10. Walmsley G. Is There a place for traditional values and virtues in society today? *Frontiers of philosophy in China*. 2013, vol. 8, no. 1, pp. 31–52. DOI: 10.3 868/s030-002-013-0004-3

11. Zhang X., Liang X., Sun H. Individualism-collectivism, private benefits of control, and earnings management: A cross-culture comparison, *journal of business ethics*. 2013, no. 14 (4), pp. 655–664. DOI: 10.1007/s10551-013-1711-5

Author's Bio

PETROV Alexander Viktorovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor Department of Philosophy and Political Science, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia. E-mail: petrov.av.phd@gmail.com

Библиографическая ссылка

Петров А. В. Всеобщее в особенном: универсальная аксиология в концепции традиционных российских духовно-нравственных ценностей // *SocioTime / Социальное время*. 2023. № 4 (36). С. 35–50. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.4.35